

СМЕРТЬ ОРФЕЯ

Евгений ЕРМОЛИН

Восемьдесят лет назад две смерти потрясли Ригу –
и до сих пор окутаны тайной. Утром 14 октября 1934 года
в Риге умер Собинов. Ему было 62 года.

На следующий день в газете «Rigashe Rundschau» о его смерти появились два
извещения на русском языке. Одно от советского полпредства, а другое от жены
и дочери. В тот же день московские «Известия» вышли с заголовком:
«Умер Л.В. Собинов». Под заголовком – портрет артиста в траурной рамке
и телеграмма: «Рига. 14 октября (ТАСС). Сегодня, в 5 ч. 30 минут утра, в Риге
скончался от разрыва сердца Народный артист Республики
Леонид Витальевич Собинов».

19 октября 1934 года состо-
ялись похороны певца на
Новодевичьем кладбище. Режиссёр
Большого театра Владимир Лосский
вспоминал, что по грандиозности и
размаху они напоминали лишь по-
хороны Джузеппе Верди в Италии.

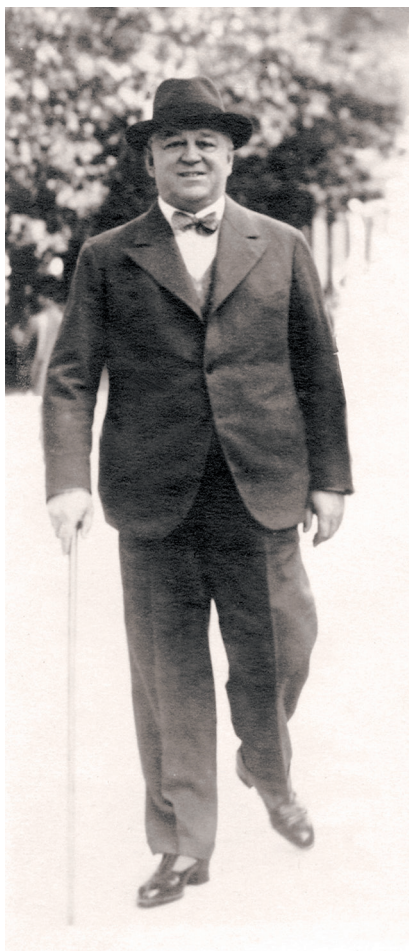
За четверть века перед тем Собинов
уже почтил это событие эпиграммой
на себя самого:

*Не по таланту знаменит,
Не по заслугам заслужён,
Жизнь прожил душка Леонид
И умер под рыданье жён...*

Хотя едва ли кто-то вспомнил
в тот момент эту его снисходитель-
ную автоиронию, помогавшую жить,
но не помешавшую умереть.

Через три года в вышедшей в
Москве под редакцией Якова Бояр-
ского книге «Л.В. Собинов, жизнь
и творчество», посвящённой памяти
певца, были описаны смерть Со-
бинова и торжественные похороны,
которые устроили артисту в Москве.
Ещё через три года Боярского рас-
стреляли, а в перипетии и обстоя-
тельства рижской драмы в СССР не
вникали более уже никогда.

Между тем, в эмигрантской среде и
в Латвии смерть артиста в рижском
отеле «Санкт-Петербург» вызвала

толки и споры, не умолкшие и во-
семьдесят лет спустя. В публикациях
о смерти Собинова говорят, что его
смерть была загадочной, что обсто-
ятельства, сопровождавшие смерть,
крайне подозрительны.

Эмигрантский журналист А. Во-
лошин воспроизводил широко рас-
пространённую версию событий,
когда писал, что Собинов умер при
очень таинственных обстоятель-
ствах – всего через пять часов после
того, как в той же Риге – агентами
НКВД – был зверски убит большой
друг покойного артиста архиепископ
Иоанн Поммер, непримиримый враг
СССР. Об этой связи двух смертей
писали авторы двух старых книг,
посвящённых рижским событиям,
Нео-Сильвестр (Г. Гроссен) и Люд-
мила Келер.

Трудно издалека сказать что-то но-
вое о давней трагедии. Но вспомнить
о ней и представить картину проис-
ходившего – имеет смысл.

Сначала зафиксируем то, что писали
рижские газеты о смерти Собинова.
Газета на русском языке «Сегод-
ня» (по оценке Ивана Бунина, это
«любопытнейшая в мире газета» –
«самая интересная русская газета») и
немецкая «Rigashe Rundschau»
излагали обстоятельства так.

Один из
последних
портретов
Л.В. Собинова.
Мариенбад,
Чехия,
1934 г.

Евгений ЕРМОЛИН
родился в 1959 году в Архангельской
области. Закончив факультет
журналистики МГУ, он с 1981 года
работает в ярославских СМИ,
а с 1989 года преподаёт в Ярославском
госпедуниверситете: Е. Ермолин –
заведующий кафедрой журналистики,
профессор. Он также заместитель
главного редактора журнала «Континент»
(Москва – Париж). Живёт Евгений
Анатольевич в Ярославле
и Москве.

Глава
православной
церкви Латвии
архиепископ
Иоанн Поммер
(в миру — Janis
Pommers).

Похороны
Л.В. Собинова
в Москве
(Триумфальные
ворота).
19 октября
1934 г.

Собинов с женой Ниной Ивановной и 13-летней дочерью Светланой приехали в Ригу в четверг вечером 11 октября и остановились в гостинице «Петроград» на Замковой площади. В субботу, в последний вечер своей жизни, Собинов отпустил дочь в театр русской драмы со старой знакомой Собиновых — Татьяной Барышниковой. Было решено, что дочь после представления переночует у Барышниковых. Под утро супруга Собинова услышала, что он, лёжа в кровати, издаёт странные звуки, похожие на всхлипывания. Она бросилась к нему: «Лёня, Лёня, проснись!». Собинов не отзывался, и пульса не было. Вызванный врач, доктор

Мацкайт, сделал впрыскивание, но Собинов был уже мёртв. Нина Ивановна рано утром, около пяти часов, позвонила по телефону Барышниковым, и тогда они и Светлана узнали, что Леонид Витальевич умер...

О смерти Собинова тотчас было сообщено в полпредство СССР в Риге, была отправлена и телеграмма Борису, старшему сыну Собинова, в Берлин. Тело Собинова положили в спальню комнаты двойного номера отеля.

Келер пишет, что в гостиницу, где лежало тело покойного, никого не допускали, не только репортёров, но и представителей судебных властей: «там всем распоряжался какой-то тип из советского посольства». Историк же Д. Левицкий утверждает, что наличие публикаций и фотографий в газете «Сегодня» свидетельствует о том, что кого-то таки в комнаты пускали.

Утром в гостинице, в номере Собиновых отец Сергей отслужил полную службу отпевания и предания тела земле. Горсть земли была взята у рижского кафедрального собора. Тело было забальзамировано профессором Адельгеймом, а скульптор Буркард Дзенис снял с лица покойного маску.

В седьмом часу вечера тело Собинова положили в дубовый гроб, вынесли из гостиницы и в траурной колеснице перевезли в здание полпредства. На следующий день в нём состоялась церемония, которую описала газета «Сегодня» в статье

«Останки Л.В. Собинова отправлены из Риги в Москву». Подзаголовки характеризуют происходившее: «Гражданская панихида в полпредстве. Речь поверенного в делах Морщина. Цитата из приветствия Южина. Телеграмма Калинина. Воспоминания о Собинове в толпе. Приезд сына Собинова. Траурный вагон».

Дочь Собинова, Светлана Леонидовна Собинова-Кассиль, вспоминала: «Мы были в Риге, у нас уже были куплены билеты в Москву, и однажды, когда я осталась ночевать у знакомых, за мной вдруг пришли мамини друзья... Когда я вошла в гостиницу, я всё поняла по лицам. Папа умер внезапно, во сне, —

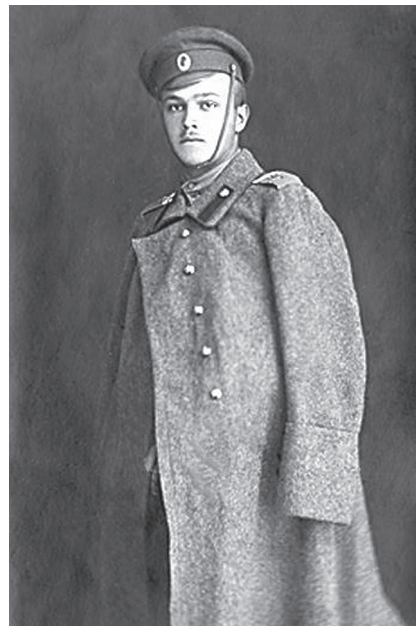

у него было совершенно спокойное лицо. Потом папу перевезли в советское посольство, и я не давала вынести гроб, потому что Боря не успевал приехать на похороны»... Наконец Борис Собинов приехал, а после прощания гроб отправили в Москву.

Как выразился много позже автор книги «Двести знаменитых отравлений» Игорь Анцышкин, улика уехала в Москву. Этот момент запечатлён на известной фотографии, где представлены участники церемонии на рижской улице.

Часто связывали эту смерть с убийством главы православной церкви Латвии архиепископа Иоанна Поммера (в миру – Janis Pommers). Гроссен писал о проводах Собинова в Риге: «...когда траурная колесница с гробом, покрытым цветами, двигалась мимо меня, мне думалось, что смерть Владыки оборвала жизнь того, тело которого так поспешно везут в Москву...».

Поэтому нужно вспомнить, что гибель православного архиерея случилась при обстоятельствах столь же мрачных, сколь загадочных. Он был зверски убит на архиерейской даче в ночь на

12 октября: подвергнут пыткам и заживо сожжён.

Православная Рига оплакивала своего пастыря, местные власти начали расследование преступления, полиция назначила награду за сведения об убийцах, но преступники так и не были найдены.

Как можно предположить, изначально следствие пошло по сомни-

Сын Собинова Борис эмигрировал вместе с армией барона Врангеля (слева).

Сын Юрий сражался в рядах Добровольческой армии. Умер от ран 8 октября 1920 года в Мелитополе.

Празднование
Рождества.
Л. Собинов
(в военной форме)
с семьёй и друзьями
с ёлки.
1915 г.

С Юрой и Борей
их любящий отец
Л. Собинов.

тельному пути, попытавшись найти виновных в эмигрантской церковной среде, где не все были благожелательно настроены к Иоанну, который упорно боролся с церковными коррупционерами. Арестовали на месяц несколько членов Русского студенческого православного единения (филиала РСХД), критически оценивавших деятельность Иоанна, но вскоре и отпустили.

Многие считали, что тут не обошлось без руки Москвы. По А. Волошину, например, Иоанна убили «два большевика, специально командированные для этого убийства из Москвы». Архиепископ постоянно

выступал против коммунистической идеологии и латышских социал-демократов, «открыв обществу свидетельства зверств красных латышских стрелков в годы Гражданской войны», пишет в книге воспоминаний о нём его брат А. Поммер. Если Собинов – Орфей, то Иоанн напоминает нам Иеремию. Возможно, к архиепископу попали документы о связях латвийских левых с СССР – и пытали Иоанна убийцы для того, чтобы он отдал им эти бумаги. Наконец, известно, что в доме архиепископа убийцы сожгли какие-то документы: может, это и были компрометирующие материалы.

Как бы то ни было, следствие прекратили «временно», а затем и навсегда. Дело заглохло. Возможно, следствие получило и ещё какую-то информацию, но власти не решились её обнародовать.

Во время немецкой оккупации Латвии эту версию пытался разработать адвокат Бруно фон Нольштейн, однако ему не удалось найти бумаг латвийского следствия. Полагают, их уничтожили или вывезли в Москву после присоединения Латвии к СССР в 1939 году. Так считал редактор нью-йоркской газеты «Новое русское слово» Андрей Седых, писавший о странных рижских смертях после войны.

Говорят, что владыку могли убить с целью грабежа. Наконец, для полноты картины можно упомянуть и о том, что на одном из религиозных сайтов я нашёл безапелляционное суждение: Иоанн был сожжён дружинниками латвийского диктатора Ульманиса за то, что не подчинился распоряжению о прекращении церковного послушания московской патриархии... Это какой-то причудливый перекося сознания: не берусь оценивать готовность Ульманиса к террору а la Папа Док, но сам мотив убийства в 1934 году – неправдоподобен. Иоанн отстаивал права религиозного православного меньшинства в Латвии, но важнее для Ульманиса был скорее всего его твёрдый антисоветизм, сблизивший его не с лояльным к советской власти московским митрополитом Сергием Страгородским, а с его церковными оппонентами – митрополитами Иосифом Петровых и Кириллом Смирновым.

Отметим, что Иоанн Поммер был канонизирован Русской Православной Церковью за границей в 1981 году. Он – единственный латыш, причисленный православной церковью к лику святых. Уже в нашем веке была вскрыта могила Поммера на Покровском кладбище – и обнаружилось, что шестьдесят

с лишним лет тело его оставалось нетленным...

А причём же тут Собинов? Версий несколько.

Наиболее подробно во всё том же нью-йоркском «Новом русском слове» разворачивал своё объяснение случившемуся А. Волошин в 1954 году: «В Риге сразу же начались разговоры о том, что Собинов, скончавшийся через несколько часов после этого убийства, — умер не от «разрыва сердца», а был убит теми же большевиками, которые замучили архиепископа Иоанна. И вот почему: Собинов был одним из тех, редких в СССР, людей, с которыми советское правительство считалось по-настоящему. Несмотря на то, что артист был глубоко религиозен и постоянно посещал церковь, он никогда не подвергался за это никаким репрессиям. Вот что говорил мне Л.В. в той же Риге, где я встретился с ним последний раз в жизни в июне 1931 года, за три года до его смерти:

— Да, могу признаться, что большевики со мною считаются и смотрят сквозь пальцы на мои — с «их» точки зрения — «преступные странности». У меня в Москве, во всех комнатах, висят иконы. В шкапу сохраняется полное священническое облачение и всё необходимое для богослужения. И каждое воскресенье ко мне на дом приходит священник, который и служит обедню для всей моей семьи. «Они» знают об этом и... помалкивают. То, что я остался в России и не уехал за границу — очень важно для них! На этом они строят свою пропаганду. «Они» знают, что, бывая за границей, я открыто встречаюсь с «белобандитами», подобными вам и тоже... молчат!.. Знают и то, что я в самых дружеских отношениях с архиепископом Иоанном, что я постоянно бываю у него, но и этого никогда не ставили мне в упрек и, как видите, продолжают отпускать меня в Ригу для лечения.

Тогда же он написал в мой альбом автографов несколько строк, объясняющих то обстоятельство, что в 1920 году, находясь в Севастополе, он не ушёл с нами за границу, а остался в Крыму. Вот что написано им:

«Дорогой Александр Александрович! История когда-нибудь ответит на вопрос, — в чём было больше подвига: в решимости ли, сделавшись всемирным свободным гражданином, — жить ценой неимоверных трудов и лишения или в отказе покинуть Родину, с тем, чтобы сохранить её и служить её возрождению — ценою отказа от самого себя. Леонид Собинов. Рига, июнь 1931 года».

И вот, узнавши из газет о смерти Леонида Витальевича, я написал нескольким своим друзьям, жившим в то время в Риге, и попросил сообщить мне все, что они знают о смерти Собинова. Через несколько недель я получил от них исчерпывающие ответы. Сведения совпадали. Разница была лишь в мелких подробностях. Картина смерти Леонида Витальевича и связь этой смерти с убийством архиепископа Иоанна стала для меня очевидной.

Вот выдержка из одного письма: «...бывая в Риге, Леонид Витальевич постоянно навещал архиепископа Иоанна, с которым был в самых дружеских отношениях. В последний свой приезд, в октябре этого года, Леонид Витальевич встретился с двумя «эмигрантами», которые «случайно» познакомились с ним в кафэ Шварца и влезли к нему в доверие именно потому, что рекомендовались ему как «политические эмигранты». Ты же помнишь,

19 октября 1934 года состоялись похороны певца на Новодевичьем кладбище. Режиссёр Большого театра Владимир Лосский вспоминал, что по грандиозности и размаху они напоминали лишь похороны Джузеппе Верди в Италии.

каким доверчивым человеком был Собинов и как любил он возвращаться именно в эмигрантской среде. И вот эти мнимые эмигранты рассказывали Леониду Витальевичу о своей глубокой религиозности и упростили его «взять их с собою, когда он пойдёт в гости к владыке Иоанну». Им — по их словам — «очень хотелось познакомиться с архиепископом». Эти разговоры слышали многие из нас, старых эмигрантов, постоянно бывавших с Леонидом Витальевичем в кафэ у Шварца. А попасть к архиепископу было не так-то легко. Людей ему незнакомых он не принимал и даже не открывал им двери своего дома. Для него не было секретом то, что большевики за ним охотятся и хотят убрать его как непримиримого противника коммунистов, против которых архиепископ постоянно выступал с пламенными проповедями. На беду, Леонид Витальевич поверил этим «псевдоэмигрантам» и согласился взять их с собою к владыке. Пошли они — все трое — к архиепископу вечером 13 октября и благодаря тому, что «эмигранты» пришли вместе с Собиновым, владыка не только впустил их, но и пригласил выпить с ним чаю. Подробности того, что произошло в дальнейшем, — выяснит только история...».

Трудно сказать, во всём ли точен Волошин. Само отношение Собинова к советской власти — для меня тайна за семью печатями. Оба его сына воювали на стороне белых: один, Юрий, погиб, другой, Борис, оказался в эмиграции — причём отец и сын не порывали родственных отношений.

Однажды у его дочери Светланы Собиновой-Кассиль спросили, «и что, Собинову прощалось наличие белоэмигрантского сына?». Она ответила так: «Отец умер в 1934 году, когда трудные времена ещё не начались. Если бы он дожил до 1937-го, думаю, его бы ждала та же участь, что и других. Но пока он был жив, на нас это никак не отражалось — мы много путешествовали по Европе и всегда останавливались в Берлине у Бори...».

Сдругой стороны, внешне Собинов всегда был вполне советской власти лоялен и ею вроде как заласкан. Ему присвоили звание Народного артиста республики, он стал депутатом Мос-

совета, награждён орденом Трудового Красного Знамени... Нарком Луначарский не зря, кажется, писал: «Я знаю, что у него не было недостатка в предложениях уехать за границу, но его тянуло в Россию, он хотел работать здесь. Он писал тогда [около 1920 года], что надеется быть ещё полезным русскому театру, и не ошибался в этом ни на одну минуту. Надеюсь, что он никогда не раскается в этом своём поступке, так как Советская власть и публика советской Москвы в свою очередь отнеслись радушно и внимательно к Собинову... Я должен отметить чрезвычайно корректное и абсолютно безукоризненное отношение Собинова к представителям Советской власти, с которыми ему приходилось сталкиваться, и к самой власти как таковой».

...Замечу также, что волошинская версия хорошо рифмуется с известной характеристикой Собинова, которая была дана когда-то Корнеем Чуковским. Чуковский говорил о том, что певец был наивен и доверчив. «Стиль его искусства был так благороден потому, что был благороден он сам. Никакими ухищрениями артистической техники не мог бы он выработать в себе такого обаятельно-задушевного голоса, если

Семья Собиновых
и супруги Левины.
Прага,
1934 г.

Л.В. Собинов с
сыном Борисом.
Рига,
1930 г.

бы этой задушевности не было у него самого. В созданного им Ленского верили, потому что он и сам был такой: беспечный, любящий, простодушный, доверчивый. Оттого-то стоило ему появиться на сцене и произнести первую музыкальную фразу, как зрители тотчас влюблялись в него — не только в его игру, в его голос, но в него самого».

По другой версии, артиста убила злая молва. Русские эмигранты сразу после гибели Иоанна якобы распустили слухи, будто Собинов, пользуясь тем, что был близко знаком с архиепископом, провёл к нему двух агентов НКВД, которые и совершили чудовищное преступление. Леонид Витальевич был настолько потрясён этими несправедливыми обвинениями, что скончался от сердечного приступа. Тут вообще трудно что-то комментировать ввиду отсутствия внятных свидетельств.

И совсем уж странную версию излагал в 1937 году в письме журналисту Борису Оречкину осведомлённый о настроениях русских рижан редактор газеты «Сегодня» Михаил Мильруд: «...Собинов так себя вёл в последнее время, что в русском обществе о нём говорили всегда крайне отрицательно. Внезапная смерть Собинова, совпавшая

с кончиной арх. Иоанна (очень загадочной) вызвала даже упорные слухи, что архиепископ был убит Собиновым по приказу большевиков. Это, конечно, полная фантастика, но слухи эти упорно держатся и до настоящего времени».

Идеализм и простодушие, чудесным образом соединившиеся в характере Собинова, — порука тому, что тема гения и злодейства абсолютно неактуальна. В Собинове не было ни малейшей готовности и к малому злу, так уж он был устроен.

Есть и те, кто сомневаются в том, что встреча Собинова и Иоанна была вообще. Например, Дмитрий Левицкий. По сведениям газеты «Сегодня», Собиновы приехали в Ригу в четверг вечером, 11 октября. Это время уточняет расписание Латвийских железных дорог на 1934 год, согласно ему поезд из Берлина через Кёнигсберг приходил в 18 часов 48 минут. Как мог Собинов сразу по приезде, после длительной утомительной поездки (путь из Берлина в Ригу длился приблизительно 30 часов), поехать на ночь глядя в загородную дачу, по уединённой дороге?.. Ответа на этот вопрос нет.

Одни считают, что архиепископ Иоанн Рижский был духовником Собинова. Но упоминавшаяся Татъя-

на Барышникова (Гиттер), давний друг семьи Собиновых, утверждает, что Собинов даже не был знаком с владыкой вовсе. Собинов, не знавший Иоанна, увидев его во время пасхального хода, воскликнул: «А я-то думал, что он маленький, плюгавенький, а это Шаляпин в роли Бориса Годунова»...

Это мнение имеет вес, поскольку тесный дружеский союз Собинова и семейства Барышниковых зафиксирован в письмах Собинова, он выдержал немало испытаний. ...Однако у Барышниковой могли быть свои причины для того, чтобы не связывать две странные смерти. Аргумент её слаб, поскольку Собинов нередко бывал в Риге и его реплика могла быть подслушана ею в какой-то из ранних приездов, а позднее могло случиться и более тесное знакомство певца и архиепископа.

Собинов бывал в Риге. Его тесно связывало с Ригой обстоятельство делового свойства. Нина Ивановна Собинова происходила из семьи рижских купцов Мухиных, которые были владельцами Красных амбаров. Часть этого имущества унаследовала и Нина Ивановна, получая с него доход, поступавший в один из рижских банков. За этими деньгами Собиновы приезжали в Ригу, они давали воз-

Театр Станиславского
в день похорон.
Надпись на транспаранте —
«Умер Собинов».

Полпредство СССР
в Латвии.
Рига, 1934 г.
(вынос тела).

Могила Л.В. Собинова
на Новодевичьем
кладбище.
Фото, 1970 г.
Памятник работы
В.И. Мухиной.

возможность оплачивать поездки за границу...

Итак, факт знакомства Собинова с владыкой ничем не доказан, но ничем и не опровергнут.

Наконец, о слухе, что смерть Собинова была насильственной.

Левицкий рассуждает: известно, что Собинов болел сердцем и по совету врачей отправился лечиться в Мариенбад. Оттуда он писал 12 августа 1934 года режиссёру МХАТа Станиславскому: «Рассчитываю пробыть здесь целый месяц со дня начала лечения, а оно тут у меня с самого начала было неудачно прервано ни с того ни с сего приключившимся сердечным припадком».

После Мариенбада Собиновы ещё поехали в Италию. «Поэтому нет ничего странного и удивительного в том, что у него в Риге случился повторный сердечный припадок».

Отмечают, однако, что советское полпредство в Риге запретило делать вскрытие умершего артиста, причиной смерти сразу объявили разрыв сердца. Ещё раз процитирую Гроссена: «Как только из отеля «Петроград» вывезли тело Собинова и сняли дежурный наряд полиции, туда хлынули корреспонденты газет. И вскоре «из уст в уста» передавали не для печати слух, что полпредство, от имени которого распоряжался какой-то «рыжий товарищ», воспротивилось требованию полицейского

Траурное шествие
в Риге.

Могила Л.В. Собинова
на Новодевичьем
кладбище.
19 октября 1934 г.

врача произвести вскрытие тела для установления причин смерти Собинова: «Дело, мол, ясно — разрыв сердца, таково заключение советского врача». И вскрытия трупа не произошло! Этот отказ в законном требовании полицейского врача ещё более усилил в народе слухи «об отравлении» Собинова большевиками. Кроме того, стало известно, что накануне убийства иерарха Собинов имел целый ряд телефонных разговоров с полпредством, что было установлено судебным следователем из телефонной записи отельной администрации». Спроста ли это? Кто ответит?

Только тогдашний балтийский житель Игорь Северянин вздохнул, как пожал плечами, перед фактом совсем неурочной, случайной смерти в эпоху фатально-гибельных стихий:

*...О, как тонка особенность от-
тенка*

*В неповторимом горле у того,
Кем тронута была демимондэнка,
И соловей смолкал от чар его...*

Он был средоточием света. Ему был дан дар вечной бодрости и весёлости. Он и над собой умел посмеяться, как никто. Вспомним один его экспромт «про себя любимого»:

*Ждали от Собинова
Пенья соловьиного,
Услыхали Собинова —
Ничего особенного.*

Но тьмы в мире оказалось слишком много. Его волшебного голоса и доброго, мирного нрава не доставало, чтобы её одолеть хоть на раз.

Было дело, он оплакал ушедшего безвременно Есенина — и заслужил нервную реакцию регулярно подумывавшего о самоубийстве Маяковского. По воспоминаниям, Маяковский, как бы оправдываясь, перед чтением с эстрады стихотворения «Сергею Есенину» говорил потом: «Вскоре после смерти Есенина в помещении Художественного театра состоялся вечер его памяти. На фоне тощей, надломившейся берёзки выступали с «прочувствованными» речами ораторы. Затем Собинов тоненьким голосом запел: «Ни слова, о друг мой, ни вздоха, мы будем с тобой молчаливы...», хотя молчалив был только один Есенин, а Собинов продолжал петь. Вот вся эта обстановка произвела на меня удручающее впечатление... Но когда ушёл сам Маяковский, никто уже не пел и не плакал на прощание. Мир гремел пафосом, чуждым правам и заботам личности.

Тридцатые годы. Мрачное десятилетие, время разгула злых стихий. Русский Орфей не пережил его. И пусть он даже умер не от гепеушного яда, хотя — кто знает, а «своей смертью», но разве не надрывалось его сердце от печалей русской жизни, от мерзостей и бреда, от войны и беды? И разорвалось. •